

ВВЕДЕНИЕ. МОСТ ЧЕРЕЗ РЕКУ ШАРЬИНКУ

В начале 2013 года российские СМИ облетела новость: предприниматели города Шарья (Костромская область) собственными силами и средствами восстановили пришедший в негодность мост между городскими районами на разных берегах реки Шарьинки. Когда обветшавший мост был признан ГИБДД аварийным и закрыт для движения, городские власти оценили его ремонт в 14 миллионов рублей и признались, что таких денег в бюджете нет. Представители местного бизнес-сообщества взяли ремонт на себя, предоставив необходимые средства, материалы и оборудование. Фактические издержки ремонта оказались при этом в 20 раз меньше оценки городской администрации.

Мосты и другие инфраструктурные объекты — типичные примеры общественных благ, без которых не могут существовать современные города. Создание общественных благ требует коллективных усилий, причем участники должны преодолеть соблазн «бесплатного проезда» — в случае моста вполне буквального, и руководствоваться не только личной, но и общественной выгодой. Они также должны уметь договариваться друг с другом и соблюдать достигнутые договоренности.

Примеры такой кооперации встречаются не часто, и для нее должны быть серьезные основания, например чрезвычайные ситуации. Ремонтируя вкладчину мост через Шарьинку, местные предприниматели действовали не только из чувства долга, но и от безысходности — если не взять дело в свои руки, то город останется без моста на долгие годы. Важную роль, разумеется, сыграло и то, что коммерсанты небольшого города хорошо знали и доверяли друг другу и сотрудничали в прошлом. Иными

словами, в шарьинском бизнес-сообществе был накоплен значительный *социальный капитал*, определяемый как способность действовать сообща ради общей цели.

Экономисты осознали важность социального капитала как фактора эффективности и ресурса развития стран, городов, сообществ и организаций заметно позже, чем представители других общественных наук. Это запаздывание, скорее всего, связано с верой экономистов в индивидуальные стимулы и частную инициативу. Открыв начальный курс экономики, вы прочтете, что экономические агенты — домашние хозяйства и фирмы — действуют независимо друг от друга, полагаясь на «невидимую руку рынка», которая поддерживает порядок в разгуле индивидуализма. Эта абстракция, конечно, совершенно неприменима к большим городам, где люди сталкиваются друг с другом на каждом шагу — в основном метафорически, но нередко и буквально, и никаких рынков не хватит, чтобы упорядочить городскую жизнь. Города изобилуют общественными проблемами: дорожные пробки, безопасность, содержание жилых домов, коммунальная инфраструктура, предпринимательский климат и т.п., решение которых требует согласованных совместных действий.

Экономисты, разумеется, отдавали себе отчет в необходимости координации в экономике, дабы избежать «провалов рынка», но в своем большинстве считали, что за такую координацию должно отвечать государство, используя для этого свои налоговые и законодательные полномочия. Современные города не могут полагаться на инициативу и сознательность жителей как основной ресурс содержания и развития городской инфраструктуры и поддержания порядка в городе — основная роль здесь

принадлежит городскому бюджету и службам, а также надзорным и регулирующим органам.

Между тем государство далеко не всемерно, недостаточно информировано и мотивировано и по разным причинам — от халатности до коррупции — может неэффективно распоряжаться своими полномочиями. В таких случаях способность граждан самостоятельно, без принуждения, участвовать в решении общественных проблем или не создавать такие проблемы, учитывая последствия своих действий для окружающих, оказывается востребованной и дает осязаемую отдачу. Как явствует из приведенного примера, социальный капитал в городах позволяет решать задачи, до которых у городских властей по тем или иным причинам не доходят руки.

Экономическая функция социального капитала не сводится к заполнению оставленных государством лагун. Эффективность государства зависит от общественной, в том числе политической, активности граждан, а такая активность, в свою очередь, достигает результатов лишь в том случае, когда она оказывается достаточно массовой и скоординированной. Таким образом, у социального капитала возникает еще одна сфера приложения — общественный контроль над властью, обеспечивающий ее подотчетность. Нельзя не заметить, что в Шарье эта функция оказалась атрофированной — местные бизнесмены объединились для того, чтобы сделать за городские власти их работу, вместо того чтобы совместными усилиями добиться от властей выполнения своих обязанностей. Вероятно, это был прагматический выбор, учитывавший хроническую нехватку средств в местных бюджетах, но нельзя не заметить, что предпринимателям Шарьи было легче договориться друг с другом о совместной реализации строительного проекта, чем о коллективной политической акции.

ОТДАЧА НА СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

Слово «капитал» подразумевает ценный актив, приносящий экономическую отдачу; именно так обстоит дело, например, в случае человеческого капитала — собирательного термина для знаний, навыков, опыта, состояния здоровья и прочих активов индивида, способствующих экономическому успеху. В отличие от человеческого социальный капитал, характеризующийся способностью к коллективным действиям, является активом сообществ — например, населения городов, — и отдача на него должна выражаться в возросшем благополучии таких сообществ.

Для оценки отдачи на социальный капитал, прежде всего, необходимо научиться его измерять. Это оказывается непростым делом ввиду чрезмерной общности определения социального капитала как способности к совместным действиям. Первоначальные представления о социальном капитале связывались с прямым общением людей друг с другом в системе социальных связей и различного рода ассоциациях. Общение способствовало обмену полезной информацией, например о возможностях для бизнеса или вакансиях на рынке труда. Коммуникации в обществе повышают ценность репутации и удерживают людей от неблагоприятных поступков, о которых быстро узнают окружающие и подвергают виновного остракизму. Таким образом, социальный капитал поддерживает честность и ответственное поведение — понимается, к немалой общественной выгоде.

Ключевым признаком (иногда синонимом) социального капитала считается также доверие между людьми, без которого сотрудничество выглядит проблематичным. Наконец, в

определение социального капитала обычно включаются «просоциальные» ценности, заставляющие индивида учитывать в своих действиях интересы окружающих и поступаться ради них, если это необходимо, собственной выгодой. Не следует думать, что люди жертвуют при этом собственными интересами — они лишь отказываются от получения немедленных преимуществ и с лихвой компенсируют «упущенную выгоду», когда окружающие отвечают им той же монетой.

Долгое время считалось, что составляющие триады социального капитала: сети, доверие и просоциальные нормы — тесно связаны друг с другом и являются разными проявлениями одной и той же однородной субстанции. Отсюда следует, что для измерения социального капитала нужно оценить уровень доверия в обществе, густоту социальных сетей и распространенность альтруизма и сознательности граждан, после чего остается агрегировать эти частные показатели в общий индекс социального капитала.

Для измерения социального капитала в соответствии с изложенной методикой используются результаты опросов или наблюдений за поведением индивидов и сообществ в реальных или экспериментально сконструированных ситуациях. Оба подхода имеют свои недостатки — опросы фиксируют субъективные мнения респондентов, причем последние вдобавок могут быть недостаточно искренними, отвечая на «чувствительные» вопросы даже при условии анонимности, а поведение отражает не только внутренние мотивы индивида, но и внешнюю мотивацию, например страх наказания за нарушение установленных правил. Методики оценки социального капитала продолжают совершенствоваться, с тем чтобы уменьшить такого рода искажения, и на этом пути достигнут значительный прогресс.

Растущий поток эмпирических исследований последних десятилетий убедительно свидетельствует о том, что страны, регионы и, конечно, города, где люди более сознательны, больше доверяют и уважают друг друга и готовы объединять усилия ради общей цели, добиваются более высоких экономических результатов и удовлетворенности жизнью. Экономисты Филип Кифер и Стивен Нэк, пионеры оценки отдачи на социальный капитал, показали, что доверие и образование вносят сопоставимый вклад в экономический рост; таким образом, отдачи на социальный и человеческий капитал близки друг к другу¹. При прочих равных условиях города, где больше социального капитала, более безопасны, в них лучше работают больницы, школы и общественный транспорт и более эффективны местные органы власти. Социальный капитал значительно улучшает физическое и психическое здоровье населения; поразительно, что этот эффект обнаруживается и среди тех жителей богатых социальным капиталом стран и городов, которые по тем или иным причинам не вовлечены в социальные сети и коммуникации².

Вместе с тем данные не подтверждают чрезмерно оптимистические представления о том, что социальный капитал во всех своих проявлениях и при всех обстоятельствах дает экономическую отдачу. В частности, не удастся обнаружить значимой связи между экономическим ростом и членством в ассоциациях. Одно из возможных объяснений состоит в том, что «не все объединения одинаково полезны» — среди них встречаются два различных типа, известные как группы Патнэма и Олсона. Роберт Патнэм, энтузиаст концепции социального капитала, подчеркивал ценность объединения граждан в открытые для всех группы, действующие ради общего блага своего социума³. Мансур Олсон, напротив, указывал на то, что узкие

группы, закрытые для посторонних, ищут эксклюзивных привилегий для своих членов. Такие группы создают не общественные, а так называемые клубные блага, доступные только для членов группы, и стремятся перераспределить в свою пользу общественные ресурсы, вместо того чтобы приумножить их⁴.

Социальный капитал групп Олсона является «закрытым» (bonding), поскольку такие группы создают сегрегацию в обществе и могут быть вовлечены в непродуктивную конкуренцию друг с другом за ресурсы, рынки, привилегии и пр. *Общественная* отдача на закрытый социальный капитал нередко оказывается отрицательной (в таком случае говорят о «темной стороне» социального капитала), и преобладание в обществе групп Олсона может стать препятствием экономическому развитию. Наоборот, «открытый» (bridging) социальный капитал групп Патнэма способствует образованию широких коалиций ради общественного блага, а не расточительной для общества «борьбы за ренту». Эта разновидность социального капитала способствует экономическому росту и повышает общественное благосостояние.

«КЛАН» И «ГОРОД»

Города кажутся естественными накопителями социального капитала. Когда множество людей живут и работают рядом друг с другом на компактной территории, между ними не могут не возникать социальные связи, используемые для решения общих проблем. Так оно чаще всего и происходит, но эти связи могут иметь разную природу, либо замыкаясь в рамках изолированных «кланов», либо оставаясь открытыми для всех и охватывая город в целом. Таким образом, мы вновь сталкиваемся с «закрытой» и «открытой» разновидностями социального капитала.

Клан обеспечивает своим членам поддержку и защиту, а те платят клану лояльностью и соблюдением действующих в клане неформальных правил. В масштабах городов и более крупных административных и политических единиц правила рано или поздно кодифицируются, принимая формальный и обезличенный характер. Экономисты Авнер Грейф и Гвидо Табеллини используют понятия «клан» и «город» как метафоры для двух типов общественной организации, первая из которых опирается на неформальные отношения в различных группах, а вторая — на формальные институты⁵.

В городах без кавычек «клан» и «город» сочетаются в различных пропорциях в зависимости от исторически сложившейся структуры социального капитала, а также влияния миграции, демографических изменений, структурных сдвигов в экономике и пр. «Города» положили начало современной западной цивилизации, основанной на верховенстве закона и подотчетности власти обществу. Клановая структура общества характерна для цивилизаций Востока, и в частности для Китая, где кланы пережили императорские династии, «культурную революцию»,

рыночные реформы и продолжают играть важную роль в сегодняшней экономике и общественной жизни.

Социальный капитал, безусловно, образует фундамент клана, но нужен ли он в «городе», где главенствуют формальные правила и поэтому должна быть менее востребована неформальная, низовая самоорганизация? Ответ — нужен, но определенного рода: речь идет об осознании органичности правил, их ценности для города и его жителей, сознательной готовности следовать этим правилам и в случае необходимости защищать их от злоупотреблений.

Социальный капитал «города» известен как гражданская культура — неслучайно слова «город» и «гражданин» являются однокоренными. Гражданская культура предполагает чувство ответственности за состояние дел в городе и осмысленное участие в демократическом процессе. При преобладании гражданской культуры жители города сопричастны общественным делам и городскому управлению. «Горожане» лояльны «городу», ощущают себя его коллективными хозяевами, ожидают от «города» полезных услуг и внимательно следят за их качеством. Политики получают санкцию на власть лишь в том случае, если отвечают этим ожиданиям и должным образом выполняют свои обязанности перед городом. Граждане-горожане — все вместе и каждый в отдельности — представляют весь город и не поддаются на посулы личных выгод и преференций в обмен на уход в частную жизнь и терпимость к забвению властью городских нужд. Теперь понятно, почему гражданскую культуру следует считать разновидностью социального капитала — она позволяет горожанам совместными усилиями добиваться эффективного городского управления.

Наоборот, клану безразличны интересы города. Клань не доверяют формальным институтам, считают их чужеродными и потенциально враждебными и либо игнорируют их, решая свои проблемы собственными силами, либо пытаются добиться от властей эксклюзивных привилегий, либо, наконец, стремятся подчинить городское управление собственным интересам. «Клан» и «город» создают, таким образом, совершенно разные системы стимулов для политиков и чиновников: в первом случае поощряются патронаж и политика «разделяй и властвуй», а во втором — создание общественных благ и эффективное управление городскими ресурсами.

Исследования современных европейских городов и регионов подтверждают тесную связь благополучия горожан с запасом гражданской культуры⁶. Пожалуй, нигде эта связь не проявляется столь отчетливо, как в Италии — на севере страны гражданская культура накапливалась веками со времен средневековых городов-республик, тогда как на юге, долгое время остававшемся колонией внешних сил, преобладает клановая структура общества. Разница в качестве городского управления в Милане и Неаполе зримо отражает эти различия в структуре социального капитала.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ВЛАСТЬ

Выделение в социальном капитале городов и других административно-политических единиц элементов «города» и «клана» позволяет яснее представить себе взаимосвязь социального капитала и государственного управления. Уже отмечалось, что задачей государства в экономике и обществе является предотвращение «провалов рынка», то есть потерь, возникающих ввиду недостаточной координации экономическими агентами своих решений, игнорирования последствий этих решений для окружающих и несовпадения личной и общественной выгоды. Нетрудно видеть, что те же задачи координации ради общего блага решает и социальный капитал, и таким образом напрашивается вывод, что социальный капитал и государство в определенной степени *заменяют* друг друга. Так оно, конечно, и есть — местные сообщества могут собственными силами поддерживать порядок на своей территории, оказывать друг другу разнообразную помощь, вкладчину создавать или ремонтировать объекты инфраструктуры и пр. Рассмотренный ранее пример Шарьи хорошо иллюстрирует такую способность. В России подобные инициативы признаны официально и для них существует особый правовой статус территориального общественного самоуправления (ТОС).

Формы взаимозаменяемости социального капитала и государства многообразны — граждане жертвуют на благотворительность, компенсируя таким образом нехватку средств на социальные программы, следят за порядком на своих территориях или нанимают частные охранные службы, объединяются для поездок на работу, помогают жертвам стихийных бедствий и пр. Если граждане считают установленные

государством законы и правила полезными и разумными, то они вместе с полицией и другими контролирующими службами следят за исполнением таких правил и применяют к нарушителям меры общественного воздействия. Все это снижает потребность в государственном финансировании, регулировании и контроле, и, казалось бы, чем больше в городе (стране) социального капитала, тем более скромную роль в нем должно играть государство, включая муниципальную власть.

На самом деле связь между социальным капиталом и «размером» государства далеко не столь однозначна — в частности, скандинавские страны, будучи мировыми лидерами по уровню доверия и другим ключевым индикаторам социального капитала, в то же время предлагают своим гражданам самые масштабные, по мировым меркам, социальные программы и услуги.

Дело в том, что социальный капитал не только позволяет в некоторых случаях обойтись без государства, но и делает государство более эффективным и подотчетным, и тогда граждане охотно доверяют власти большие ресурсы и обширные полномочия. Вопрос в том, уверены ли граждане, что власть надлежащим образом распорядится этими ресурсами. Таковую уверенность дает гражданская культура, которая создает исключительно важное общественное благо — эффективную и подотчетную обществу власть. Если в отношении других общественных благ общество может в большей или меньшей степени полагаться на правительство, то в достижении должной работы властей оно может рассчитывать только на себя. Это означает, что социальный капитал и власть не только взаимно заменяют, но и взаимно *дополняют* друг друга — чем больше в

обществе гражданской культуры, тем выше отдача на ресурсы государственного сектора.

В обществах, бедных социальным капиталом, способность граждан заменить государство и собственными силами поддерживать порядок и создавать общественные блага крайне ограничена, и с этой точки зрения в таких обществах следует ожидать значительного «спроса на государство». Вместе с тем люди распространяют недоверие друг к другу и на государство, имея для этого все основания — при дефиците гражданской культуры государство неподотчетно и неэффективно. Таким образом, возникает противоположно направленный эффект, когда нехватка социального капитала сокращает спрос на государство. В реальности первый эффект преобладает над вторым, вследствие чего возникает парадокс социального капитала, впервые обнаруженный Патнэмом для регионов Италии и затем неоднократно подтвержденный на данных других стран, включая Россию⁷. В городах, регионах и странах, испытывающих нехватку социального капитала, жители недовольны работой органов власти, справедливо считая их коррумпированными и безразличными к нуждам людей, и тем не менее высказываются за более жесткий государственный контроль над экономикой и обществом. Очевидно, выбирая между анархией в обществе без способности к самоорганизации и плохим государством, люди предпочитают государство как меньшее из двух зол.

ТРЕНДЫ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Социальный капитал современных развитых государств зародился в самоуправляемых городах Средневековья и эпохи Возрождения. Работы экономистов и историков свидетельствуют о том, что чем более автономным был город столетия назад — в силу географических, политических и прочих причин, тем, при прочих равных условиях, в этом городе сегодня больше доверия и гражданской культуры. Исторический опыт самоуправления способствует накоплению «демократического капитала», который, как показано Т. Перссоном и Г. Табеллини, является важной предпосылкой успеха и устойчивости демократической формы правления⁸. В автономных городах возникали гильдии и другие общественные объединения, которые также стали инкубаторами социального капитала.

Вместе с тем на протяжении последних десятилетий интенсивность прямого общения жителей постиндустриальных городов идет на убыль. Уже упоминавшийся Роберт Патнэм объясняет этот тренд усилением конкуренции на рынке труда и возросшими стандартами потребления, заставляющими трудоспособных членов семьи больше времени отдавать работе, разрастанием городов и переездом жителей в «спальные районы» и пригороды, преобладанием нуклеарных семей и быстрым развитием электронных медиа⁹. Кроме того, в современных городах углубляется сегрегация населения по имущественным, социальным и этническим признакам — богатые отгораживаются от бедных, в том числе и буквально, заборами и охраняемыми территориями, возникают этнические анклавы и т.п.

Планировка городов и системы застройки также влияют на социальный капитал и нередко подавляют его традиционные формы. Время в дороге на работу и домой, в том числе в пробках, не может быть использовано для общения, а заполненные транспортом городские магистрали приводят к тому, что местные жители хуже знают друг друга и с большей настороженностью относятся к окружающим. Концентрация шопинга и досуга в крупных торгово-развлекательных центрах затрудняет и вытесняет общение горожан с теми, кто живет по соседству, и не способствует возникновению новых социальных связей¹⁰.

Нередко круг общения горожанина ограничивается пределами многоквартирного жилого дома — жильцы таких зданий замыкают социальные связи на своих соседей и меньше связаны с городом и интересуются его делами и проблемами, чем те, кто проживает в отдельном доме¹¹. На социальный капитал влияют и права собственности — согласно Дениз Дипаскуале и Эдварду Глейзеру, собственники жилья оказываются более активными гражданами, чем те, кто проживает в съемных квартирах¹². Связь гражданской активности с владением жильем объясняется тем, что качество городского управления и привлекательности города капитализируется в рыночной стоимости домовладений; вдобавок владельцы жилья более укоренены в городе по сравнению с арендаторами. Наконец, согласно Рональду Инглхарту и Кристиану Вельцелю, модернизация и экономический рост смещают ценности в направлении большей автономии и самовыражения, что также объясняет растущую «атомизацию» населения современных городов¹³.

В то же время наблюдаемая эрозия традиционного социального капитала (в большей степени выраженная в англосаксонских странах и не столь отчетливо в континентальной

Европе и Японии) не означает, что то же происходит и с гражданской культурой. Современные исследования опровергают бытовавшие в конце прошлого века представления о том, что социальный капитал представляет собой однородную субстанцию, все ингредиенты которой — общение, доверие, ценности и сети — суть разные стороны одной и той же медали и как таковые сильно коррелированы друг с другом. На самом деле движение различных компонентов и разновидностей социального капитала часто оказывается разнонаправленным. Отмечаемый рост индивидуализма в современных городах не обязательно ставит под угрозу общие ценности, толерантность и чувство гражданской ответственности. Интенсивное общение горожан в пределах местных сообществ и иных малых групп сменяется более обширными, разветвленными и дисперсными социальными связями. Социолог Марк Грановеттер подчеркивал ценность и силу такого рода «слабых связей» в политике, на рынке труда и в других сферах человеческой деятельности; то же, очевидно, касается и городского развития¹⁴. Обитатели современных городов не могут так же активно, как и в прошлом, непосредственно общаться друг с другом в своей повседневной жизни, но если они при этом остаются вовлеченными в общественные дела и осознанно распоряжаются своими политическими правами, то такого современного социального капитала оказывается достаточно для благополучия городов и горожан.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В РОССИИ: ЦЕННОСТИ ВЫЖИВАНИЯ ИЛИ ГРАЖДАНСКАЯ КУЛЬТУРА

Популярность в России в годы перестройки идей демократии, самоуправления, прав и свобод оказалась недолговечной и сменилась в начале 90-х глубоким разочарованием и общественной апатией. Столь радикальное изменение общественных настроений объясняется тем, что демократические идеи не были укоренены в обществе в виде гражданской культуры и их поддержка была связана с надеждой на то, что по примеру развитых стран демократия принесет процветание. Эти надежды были быстро развеяны наступившим экономическим кризисом, и внимание россиян переключилось с общественных проблем на неотложные личные нужды. Согласно известной дилемме Альберта Хиршмана «голос vs. выход», столкнувшись с проблемами в своей стране, городе или организации, люди могут либо направить усилия на необходимые общественные решения, используя для этого право голоса и иные возможности участия в общественной жизни, либо принять происходящее как данность и искать частные возможности адаптации и защиты, уходя от общественных дел¹⁵. В России 90-х такой уход совершался в неформальные сети и малые группы, а место гражданской культуры заняли «ценности выживания»¹⁶. Опустевшее общественное пространство российских городов заняли старые и новые бюрократы и олигархические бизнес-структуры.

Выживание в одиночку и уход от общественных дел привели к росту недоверия россиян друг к другу, а также к государству и его институтам, включая городские власти. В то же время неверие в

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru